

ей книгой: первого августа он возвратил корректуру последних страниц своей последней работы, а утром третьего — отошел на вечный отдых.

Памяти В. К. Ернштедта¹²⁹

[I] Со смертью Виктора Карловича Ернштедта исчезла одна из самых значительных сил нашей филологической науки.

Это был большой и своеобразный научный талант. С удивительно ясной сознательностью покойный делал все, чтобы развить и укрепить свои природные дарования, и с замечательной последовательностью избирал предметами своих научных работ те задачи, для решения которых его именно дарования были как раз всего нужнее.

Уже на школьной скамье в нем сказался талантливый критик древних текстов. Почти все его ученые произведения имеют главным своим предметом критику или критическое издание преимущественно греческих текстов, классических или средневековых. Между современными классическими филологами едва ли найдется хотя один, которому наш так рано скончавшийся сочлен уступал бы качеством исполненной им критической работы. Поразительна была меткость взгляда, с которой он определял места, размеры и поводы повреждений текстов; нельзя было не восхищаться тем мастерством, той силой вдохновения, с которыми он из совершенно ничтожных иногда остатков разрушенного текста воссоздавал чтения, носящие в себе все признаки очевидной подлинности.

Очень рано он в совершенстве освоился со всей техникой и орудиями критического искусства. Он обладал широкой начитанностью и тонким знанием греческого языка различных эпох и различных видов литературных. Постоянные и с самого начала по строго обдуманному плану веденные занятия греческими рукописями сделали его выдающимся знатоком всех отделов греческой палеографии.

Сочетанием интересов критических с палеографическими объясняется и ход ученой деятельности покойного — выбор и последовательность ее тем.

На выбор сюжетов первого цикла его греческих работ, посвященного критике текста греческих ораторов, имел влияние учитель [II] Виктора Карловича, так много им любимый и чтимый покойный Люгембиль. Этот цикл начинается рассуждением «Observationes Antiphontaeae». Оно было лишь кандидатской диссертацией; но работа 20-летнего кандидата, — по степени обнаруженных в ней знания, умения и таланта, — сделала бы честь любому вполне зрелому ученому.

¹²⁹ Известия Имп. Академии наук. 1902. Сер. 5. Т. 17. № 2. С. I-VI.

В рассуждении было, между прочим, указано, что постройка текста древнейшего из греческих ораторов-писателей не будет иметь прочной основы, пока не подвергнутся точнейшему исследованию две находящиеся в Англии рукописи этого текста. Вскоре В. К. на частные средства предпринимает путешествие для такого исследования, заботливо приготовившись к этой работе не только теоретическим изучением палеографии, но и занятиями с рукописями Московской Синодальной библиотеки. Материал, добытый в Лондоне и Оксфорде, дал возможность молодому филологу произвести (в магистерской диссертации «Об основах текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга») коренной пересмотр вопроса об основах текста пяти из так называемых малых ораторов и построить такое критическое издание речей Антифонта, которое составило своего рода эпоху в этой области.

После получения магистерской степени, время обычной для готовящихся к профессорскому званию заграничной командировки В. К. провел в Греции и Италии. В Греции его живо занимали и задачи исторической топографии; но, очевидно, более привлекали и, во всяком случае, яснее отразились на его ученой деятельности занятия эпиграфические, как имеющие непосредственное отношение к истории греческого письма и представляющие полезную школу для усовершенствования критического таланта. К этим занятиям В. К. был подготовлен в университете Ф. Ф. Соколовым, которого сам называл, как и Люгебиля, главным своим руководителем в специальности греческой филологии. Из Греции же любознательный путешественник вывез знакомство с новогреческим языком. В Италии главная работа была палеографическая. В. К. для себя изучал датированные рукописи важнейших библиотек и для В. Г. Васильевского сличал некоторые византийские произведения. Этим последним занятием полагалось начало подготовки и интереса к работам по византиноведению. Интерес должен был сделаться особенно оживленным после того, как Виктору Карловичу удалось найти в одной из итальянских библиотек значительный не изданный текст — житие Константина Великого.

В 1882 году В. К. возвращается в Петербург и углубляется в изучение греческих рукописей императорской Публичной библиотеки, куда в 1883 году поступает знаменитая Порфирьевская коллекция. Он участвует в описании коллекции и составляет список драгоценнейших для палеографа датированных ее рукописей. Несколько работ Виктора Карловича, то чисто палеографических, то совмещающих с палеографическим исследованием историко-литературное, черпают свой материал как из старого («Греческая рукопись коптского письма», «Вещий папирус»), так и из нового состава («Из Порфирьевской псалтири 862 года») Петербургского рукописного собрания. [III] В

Порфирьевской коллекции Виктору Карловичу уже в 1883 году посчастливилось неожиданно для себя и для всего ученого филологического мира найти древние пергаменные листки, содержащие сравнительно обширный и любопытный фрагмент греческого комика Менандра. По беглой их копии, когда-то сделанной известным палеографом Тишендорфом, фрагмент был уже издан гениальным Кобетом. С честью и славой выходя из состязания с такими предшественниками, В. К. дает новые чтения, восстановления и объяснения этого текста в своих «Порфирьевских отрывках из аттической комедии». Это образцовое рассуждение доставило автору от Петербургского университета степень доктора, от Московского — Боткинскую премию.

Открыв в одной из московских рукописей два в высокой степени важных памятника византийской письменности, В. Г. Васильевский для их издания прибег к помощи Виктора Карловича, как признанного уже мастера в умении читать и издавать греческие рукописные тексты. Исполнением этого поручения — приготовлением издания «Кекамена» — начинается тот цикл работ, которому суждено было быть последним в ученой деятельности Виктора Карловича — цикл византийский.

В той самой Московской рукописи, в которой Васильевский нашел «Кекамена», внимание Эрнштедта привлекает средневековое собрание греческих пословиц, интересное и ценное не для одной греческой филологии. Довольно давно уже изданное, но изданное очень неумело и небрежно, оно было потом совершенно позабыто исследователями литературы пословиц. В. К. (в статьях «Забытые греческие пословицы» и «К мирским комедиям Эзопа») представил новое точнейшее издание и чрезвычайно содержательный комментарий к нему.

После того Крумбахер из другой Московской рукописи издал другой однородный сборник пословиц, более обширный, но неполный, лишенный начала. В. К. попытался отыскать утраченную часть текста. Ученое чутье, изощренное постоянным изучением рукописных коллекций и их истории, направило поиски нашего эллиниста на верный след. Находясь снова за границей, на этот раз для излечения от мучительной, роковой болезни, надломившей физические силы, но не ослабившей научную пылкость неутомимого исследователя, он нашел в составе одной Дрезденской рукописи вpletенными начальными листы того самого экземпляра сборника пословиц, большая часть которого осталась в Москве. Оказалось, что известный Маттеи, которому в конце XVIII века поручено было описание Московской Синодальной библиотеки, похитив в числе многих других ее рукописей и эти листки, продал их в Дрезден. В. К. (в статье, к сожалению, не законченной, «Речения Эзопа в Москве и Дрездене»), разъяснив эту историю и сделав комментированное издание Дрезденских листков, пред-

ставил существенные дополнения к работе главы современных византинистов и значительно подвинул вперед вопрос о времени происхождения «Эзоповского» сборника пословиц.

[IV] Все та же Московская рукопись, из которой издан «Кекавмен», доставила Виктору Карловичу повод и материал еще для одного труда, важного как для византийской, так и для многих других отраслей историко-филологической науки. Предмет его составляет знаменитая своей необычайной распространенностью среди народов востока и запада и своим историко-литературным значением народная книга «Синтипа», или «Повесть о семи мудрецах». Та версия греческого перевода этой книги, которую В. К. признавал за древнейшую, до сих пор была издана лишь наполовину. Найдя в Московской рукописи не изданные части той же версии и заручившись сличением некоторых других списков, он предпринял полное издание греческого текста. Очень жаль, что и этот труд остался не законченным; но, по всей вероятности, представится возможность выпустить его в свет: приблизительно две трети текста с критическим аппаратом уже напечатаны.

По-видимому, в таком же приблизительном виде оставлена покойным и еще одна работа по византийской литературе — издание «Выдержек Паисия Лигарида из бесед Фотия».

Полная библиография трудов Виктора Карловича должна была бы перечислить еще немало ученых статей, посвященных преимущественно критике и тесно связанному с ней объяснению различных литературных и отчасти эпиграфических греческих текстов, прозаических и поэтических, древних и средневековых. Много критических поправок, блещущих остроумием и убедительностью, дано им как в этих статьях, так и в трудах, не носящих его имени: часто другие издатели памятников греческой письменности, особенно византийской, обращались к нему за помощью, и он никогда в ней не отказывал.

В общем ходе ученой деятельности нашего эллиниста, по мере ее развития, византийские сюжеты получали все большее преобладание над классическими. В византийской филологии особенно много остается еще той работы, для выполнения которой необходимы те именно таланты и умения, которые в его умственной организации были преобладающими.

Изображая его плодотворную деятельность, мы пытались показать, как много было в ней единства и последовательности. Но уже из краткого перечня тем, обработанных нашим достопамятным сочленом, видно, что этим единством не исключалось разнообразие, и эта последовательность отнюдь не была узкой односторонностью.

Один из самых сильных осмысленным знанием и наблюдательностью знатоков греческой палеографии, В. К. любил внимательнейшее палеогра-

фическое разыскание делать исходной точкой ученой работы. Главное в научном труде была для него достоверность, т. е., соответственно роду науки, которой он себя посвятил, — достоверность письменного свидетельства. Прежде чем толковать и строить выводы, он считал долгом определить во всех сколько-нибудь существенных потребностях, каким путем и в каком виде свидетельство дошло до нас. Дорожа достоверностью, он должен был дорожить возможностью самоличного наблюдения: этим, не говоря о других соображениях, [V] объясняется, почему такую значительную роль в его деятельности играет изучение рукописных собраний, находящихся в России. Но за исключением двух или трех чисто описательных работ, палеография не являлась для Виктора Карловича сама себе целью, а служила именно только исходной точкой. Свои «Порфирьевские отрывки» автор назвал «палеографическими и филологическими этюдами»: второй эпитет не менее первого приложим к большинству его трудов.

В то время, когда он выступал на ученом поприще, в классической филологии, как и в других науках, господствовала специализация, очень далеко проведенная, а больше всего усилий тратилось филологами на конъектуральную, гипотетическую критику текстов. Позднее стало входить в моду пренебрежение к этому занятию, и гипотеза, так называемым консерватизмом вытесняемая из области низшей критики, т. е. отсюда, где должна была считаться с очень определенными и стеснительными условиями рукописного предания, контекста, законов языка, в известных случаях — законов стиха, тем с большей легкостью стала находить место в объяснении явлений гораздо более сложных, чем какой-нибудь текст, т. е. там, где число стесняющих фантазию условий и ограничений очень мало, а число мыслимых возможностей не поддается иногда никакому учету.

В. К., сам наделенный талантами и знаниями конъектурального критика в такой мере, в какой они давались очень немногим, связанный узами тесной дружбы с одним из самых талантливых и ученых представителей конъектурального направления, с покойным Науком, никогда не отрицал, но никогда не преувеличивал значения конъектуральной критики. Он никогда, конечно, не согласился бы с мыслью, что, если бы произведения греческих и латинских писателей сохранились в неповрежденных списках, то для классической филологии не было бы никакой работы.

Следуя примеру своего учителя, Люгебиля, он всячески предостерегал своих учеников от слишком ранней специализации, а когда специализация становилась необходимостью, в выборе для них ее направлений старался руководиться их склонностями, а не собственными предрасположениями. Вместе со своими слушателями, чтобы помогать им своим руководством, он не отказывался вступать и в такие области знания, которые были очень да-

леки от его постоянных научных интересов. В своей собственной учено-литературной деятельности он неуклонно шел раз намеченным путем, счастливо избранным в соответствии с личным складом способностей и вкусов. Но идя этим путем, исследователь зорко оглядывал и все, что лежало по сторонам пути. От одного точно обследованного факта переходя к другому, тесно с тем связанному, изыскание охватывало часто массу разнороднейшего, по-видимому, материала, каждая доля которого разбиралась с полной основательностью и самостоятельностью суждения, хотя бы для того исследователю пришлось выступить не только из пределов палеографии и критики текстов, а за самые пределы греческой филологии. Немного найдется ученых рассуждений, в которых тема была бы разработана так многосторонне, [VI] как в «Порфирьевских отрывках». Таковы же статьи о пословицах. Такой характер имеет местами уже и магистерская диссертация, так, напр., где последовательный ход научного разыскания ведет пытливого исследователя от греческих текстов IV-го века до Р. Х. к литературе Ренессанса, к биографиям ученых путешественников, посещавших Восток в начале XVIII века, к биографии французских и английских справочных книг того же времени. Ради такой разносторонности, где она требовалась строгой логикой исследования, горячая, неподдельная любознательность Виктора Карловича не оставалась ни перед какими трудностями; ради нее он часто затягивал свои работы на многие годы, стараясь исчерпать материал и его проверку; редко выпускал он в свет свои труды под свежим впечатлением только что сделанного открытия или в первом порыве какого-нибудь полемического увлечения. Основательную, добытую добросовестным изучением разносторонность и широту научного кругозора ценил он и в чужих трудах. Но раз он замечал, что научное построение в погоне за скороспелыми обобщениями сомнительное представляет доказанным, а достоверное игнорирует или произвольно перетолковывает, В. К. без всякой пощады предавал такую широкую теорию осуждению, тем более резкому, чем большим блеском и красотой изложения она была облечена, чем громче был авторитет ее создателя. В. К. верен был преданиям той школы, из которой вышел, которая, как греха смертного, боялась внесения в филологию всего похожего на риторику, поэзию или метафизику, а хотела видеть филологию наукой.

То, что сказал он о своем любимом учителе, вполне и к нему применимо: «Весьма немного найдется филологов, которые по широте научного кругозора, по многообразию научных интересов могли бы с ним сравниться. В то же время никто меньше его не был склонен к верхоглядству, к априорным общим мудрствованиям без серьезной, фактической подкладки».

В своей научной деятельности это был резко очерченный, цельный характер. Основная черта этого характера — любовь к строгой, не прикра-

шенной истине, была преобладающей и в его сношениях с людьми, выражаясь прямодушной готовностью всегда и всякому без утайки, без искажающих смягчений высказать свое мнение. Не любил он, да и не умел подчинять истину каким-нибудь житейским условностям и соображениям.

Генрих Вейль (1818–1909) (некролог)¹³⁰

[1133] 5-го ноября нового стиля скончался знаменитый эллинист Генрих Вейль (Henri Weil).

Он родился в Германии, во Франкфурте на Майне, а своей научной подготовкой обязан был преимущественно немецким университетам. Посвящая одно из первых своих произведений¹³¹ Августу Бёкку, он называл берлинского профессора своим учителем и учителем всех, кто изучает древность. В старости вспоминал он о том глубоком впечатлении, какое испытал, слушая в Бонне чтения Велькера о греческой мифологии, поразившие юного слушателя как некое откровение¹³². Как кажется, не вызвал в нем такого увлечения властный представитель другого из двух тогдашних направлений классической филологии, глава Лейпцигской филологической школы, Готфрид Герман. По крайней мере впоследствии, признавая заслуги и гениальность этого ученого, Вейль говорил о нем, что он в науке и в жизни поступал как автократ, привыкший с плеча решать все вопросы силой своих указов¹³³. Поселившись в молодые годы во Франции и быстро усвоив лучшие особенности французской манеры изложения научных предметов, Вейль с блестящим успехом [1134] действовал там как профессор и как ученый исследователь. В 1882 г. достиг он звания члена Французского института по Академии надписей и в том же году по предложению Августа Карловича Наука был избран в члены-корреспонденты нашей Академии.

Его ученая деятельность на первых порах сосредоточивалась вокруг вопросов грамматики классических языков. Этой области принадлежали его превосходные рассуждения «О порядке слов в языках древних по сравнению с новыми» и на обширном, разнообразном материале построенная, много считавшаяся с тогдашними учениями сравнительного языкознания,

¹³⁰ [Опубл.: Известия Имп. Академии наук. 1909. Сер. 6. № 17. С. 1133–1136.]

¹³¹ Совместный труд Вейля и Бенлёва: [Théorie générale de l'accentuées Latine: suivie de recherches sur les inscriptions accentués et d'un examen des vues M. Bopp sur l'histoire de l'accent. Par Henry Weil et Lois Benloew. Berlin, 1855]. Он имел посвящение: «A monsieur Auguste Böck notre vénéré maître et le maître de tous ceux qui étudient l'antiquité».

¹³² [Weil H. Rez.: Otto Gilbert. Griechische Goetterlehre, in ihren Grundzuegen dargestellt. Leipzig, 1898 // Journal des savants. 1899. Mai. P. 295.]

¹³³ [Metrica // Revue des études grecques. 1900. Vol. 13. P. 185.]